

М.Т. Цицерон

**Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику,
близким, брату Квинту, М. Бруту**

Том 3. Годы 46-43

УДК 009
ББК 6/8
М11

М.Т. Цицерон
М11 Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: Том 3. Годы 46-43 / М.Т. Цицерон – М.: Книга по Требованию, 2023. – 842 с.

ISBN 978-5-458-36254-2

Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. В 3-х томах. Том 3. Годы 46-43

Частные письма Цицерона, числом около 930, были собраны и изданы уже после гибели оратора и составили 16 книг писем к ближайшему его другу Аттику, 3 книги писем к брату, 16 книг писем к разным лицам ("к близким") и 2 книги писем к Бруту, убийце Цезаря. В переводе они расположены в хронологической последовательности. Первый перевод на русский язык.

ISBN 978-5-458-36254-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

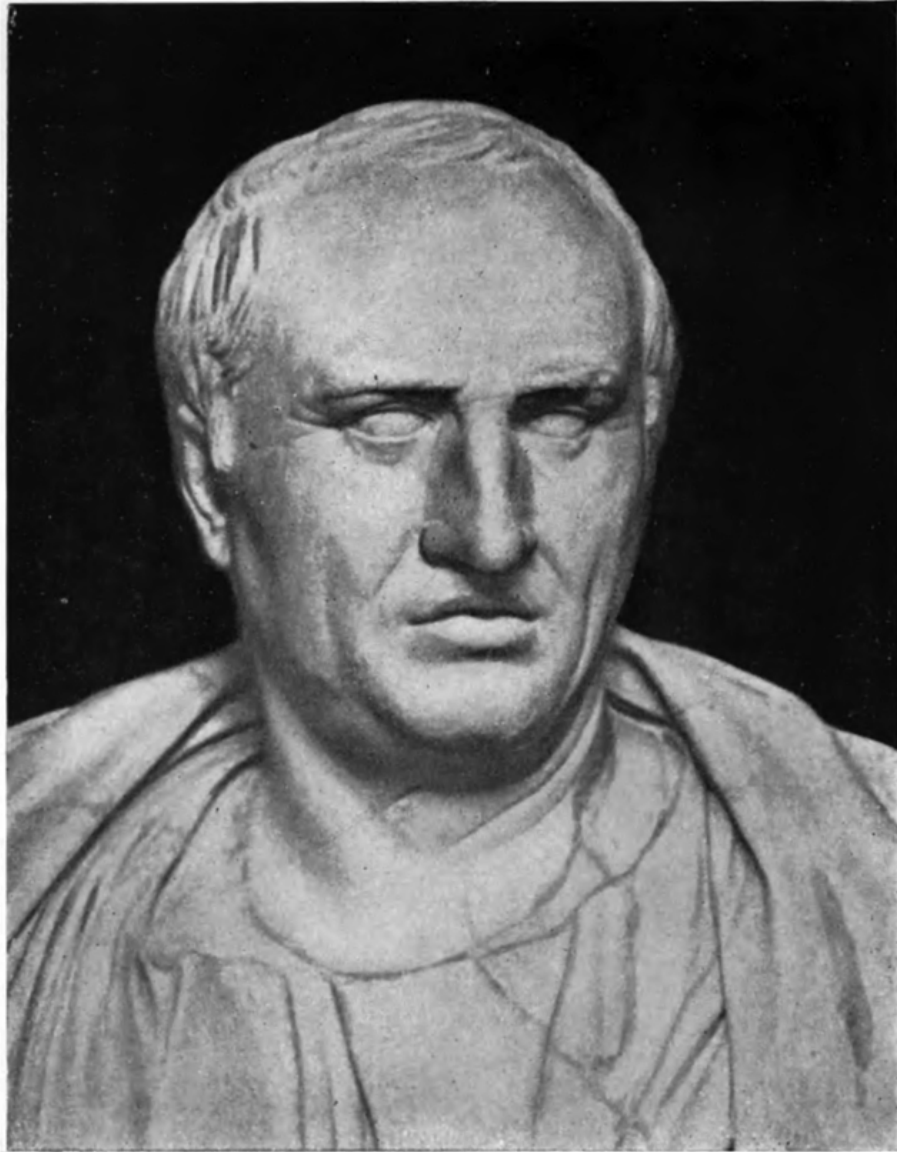
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН.
(Рим).

П И С Ь М А

46 - 44 г.г.

ДИКТАТУРА

ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

СССCLXXV. Манию Курию, в Патры (Ахайя)

[Fam., VII, 28]

Рим, август (?) 46 г.

Марк Цицерон шлет привет Курию.¹

1. Помню, мне казалось, что ты поступаешь неразумно, живя именно с теми,² а не с нами: ведь пребывание в этом городе³ (правда, когда это был город) соответствовало твоей человечности и любезности гораздо больше, чем весь Пелопоннес, не говоря уже о Патрах. Теперь, наоборот, мне кажется, что ты и многое предвидел, когда ты, при почти безнадежном положении здесь, переехал в Грецию, и что в настоящее время ты не только разумен, раз тебя здесь нет, но даже счастлив. Впрочем, кто, будучи сколько-нибудь разумен, теперь может быть счастлив?

2. Но я достигаю другим способом почти того же, чего ты, которому это можно было, достиг пешком, чтобы быть там,

Где Пелопа сынов...⁴

(прочее ты знаешь): ведь всякий раз, как я выслушаю приветствия друзей,⁵ что происходит даже при большей многолюдности, чем бывало обычно, оттого что они, повидимому, в гражданине с честным образом мыслей видят как бы белую птицу,⁶ я удаляюсь в библиотеку; благодаря этому я создаю труды, важность которых ты, пожалуй, оценишь. Ведь из этого одного твоего разговора, когда ты у себя дома укорял меня за мою печаль

и отчаяние, я понял, что ты не находишь в моих книгах ⁷ моего духа.

3. Но, клянусь, я и тогда оплакивал государство, которое — не только за его услуги мне, но и за мои ему — было мне дороже жизни, и теперь, хотя меня утешает не только рассудок, который должен оказывать величайшее действие, но также время, которое обычно врачует даже глупцов, я все-таки скорблю из-за того, что общее дело настолько распалось, что не остается даже надежды, что когда-либо станет лучше. Однако и теперь вина не того, в чьей власти всё ⁸ (разве, пожалуй, именно этого не должно было быть), но одно случайно, другое даже по нашей вине произошло так, что о былом не следует жалеть. Надежды, как вижу, не осталось никакой. Поэтому возвращаюсь к вышесказанному: ты покинул это разумно, если преднамеренно; счастливо, если случайно.

ССССL XXVI. Луцию Папирию Пету, в Неаполь

[Fam., IX, 19]

Рим, вторая половина августа 46 г.

Цицерон шлет привет Луцию Папирию Пету .

1. Ты все-таки не отказываешься от лукавства: намекаешь, что Бальб был доволен самым скудным угощением. Ты, видимо, говоришь вот что: если так сдержанны цари,¹ то консулярам надо быть много более сдержанными. Ты не знаешь, что я всё выудил от него; что он пришел прямо от ворот ² в мой дом. И я удивляюсь не тому, что он не предпочел — в свой, но тому, что — не к своей.³ Но мои первые три слова: «Что наш Пет?». А он с клятвой, что «он нигде никогда большего удовольствия. . .».

2. Если ты достиг этого своими словами, подставляю тебе не менее изящные уши; но если — закусками, то прошу тебя не считать, что картавые ⁴ стоят большего, чем красноречивые.⁵ Мне каждый день мешает то одно, то другое. Но если я освобожусь, так что смогу приехать в вашу местность, то я не допущу, чтобы ты счел, что ты был извещен мной поздно.

CCCCLXXVII. Луцию Папирию Пету, в Неаполь

[Fam., IX, 17]

Рим, конец августа или начало сентября 46 г.

1. Не смешной ты человек, раз ты спрашиваешь у меня, после того как у тебя был наш Бальб,¹ — что, по моему мнению, будет с вашими муниципиями и землями?² Как будто я знаю что-либо такое, чего бы не знал он, или, если я что-нибудь когда-нибудь и знаю, то я обычно знаю не от него? Более того, если ты любишь меня, дай мне знать, что́ будет с нами; ведь в твоей власти был тот, от кого — либо от трезвого, либо, во всяком случае, от пьяного — ты бы мог знать. Но об этом я не спрашиваю, мой Пет: во-первых, потому, что мы уже четыре года живы по милости, если это милость или это жизнь — пережить государство;³ затем, потому, что и я, мне кажется, знаю, что́ будет; ведь произойдет всё, чего только ни захотят те, кто будет силен, а сильно всегда будет оружие. Следовательно, для нас должно быть достаточно того, что нам уступают. Если кое-кто не мог терпеть это, он должен был умереть.

2. Правда, вымеряют вейские и капенские земли.⁴ Это недалеко от тускульской усадьбы: однако я ничего не боюсь: наслаждаюсь, пока дозволено; желаю, чтобы всегда было дозволено. Если это будет недостижимо, всё же, раз я, смелый муж и к тому же философ, признал, что жить — это самое прекрасное, я не могу не любить того, по чьей милости я достиг этого.⁵ Если бы он желал существования такого государства, какого, быть может, и он хочет и должны желать мы все, он все-таки ничего не может сделать: до такой степени он связал себя с многими.

3. Но я захожу слишком далеко вперед: ведь пишу я тебе. Всё же знай следующее: не только я, который не участвую в принятии решений, но даже сам глава⁶ не знает, что́ будет; ведь мы в рабстве у него, а он — у обстоятельств; таким образом, ни он не может знать, чего потребуют обстоятельства, ни мы — что думает он. Я этого не написал тебе в ответ раньше не потому, что я был склонен к праздности, особенно в переписке, но по-

тому, что, не располагая ничем определенным, я не хотел ни доставить тебе беспокойство своими сомнениями, ни подать надежду заверением. Все-таки добавлю одно, что является истинной правдой: при нынешних обстоятельствах я до сего времени ничего не слышал об этой опасности;⁶ ты же, по своей мудрости, должен будешь желать наилучшего, думать о самом трудном, переносить все, что случится.

СССCLXXVIII. Публию Нигидию Фигулу

[Fam., IV, 13]

Рим, август или сентябрь 46 г.

Марк Туллий Цицерон шлет привет Публию Нигидию Фигулу.¹

1. Когда я уже не раз спрашивал себя, что мне лучше всего тебе написать, мне не приходило на ум не только ничего определенного, но даже обычного рода письмо. Ибо одного привычного рода писем, которым мы обыкновенно пользовались в счастливые времена,² мы лишены в силу обстоятельств, а судьба привела к тому, что я не могу написать что-либо в таком роде и вообще подумать об этом. Оставался печальный и жалкий род писем, соответствующий нынешним обстоятельствам; его мне также не доставало; в нем должно быть или обещание какой-нибудь помощи, или утешение в твоём страдании. Обещать было нечего. Сам я, принижённый одинаковой судьбой, прибегал к помощи других в своём несчастье, и мне чаще приходило на ум сетовать, что я так живу, нежели радоваться, что я жив.³

2. Хотя меня самого как частное лицо и не поразила никакая особенная несправедливость и при таких обстоятельствах мне не приходило в голову желать чего-либо, чего Цезарь мне не предоставил по собственному побуждению, тем не менее меня одолевает такое беспокойство, что мне кажется проступком уже то, что я продолжаю жить; ведь со мной нет и многих самых близких, которых у меня либо вырвала смерть,⁴ либо разбросало бегство,

и всех друзей, чье расположение ко мне привлекла защита мной государства при твоём участии,⁵ и я живу среди кораблекрушений их благополучия и грабежа их имущества и не только слышу, что само по себе уже было бы несчастьем, но также вижу — а нет ничего более горького, — как растаскивается имущество тех, с чьей помощью мы когда-то потушили тот пожар. И вот в городе, где я ещё недавно процветал благодаря влиянию, авторитету, славе, я теперь лишен всего этого. Сам Цезарь относится ко мне с необычайной добротой, но она не более могущественна, нежели насилие и изменение всего положения и всех обстоятельств.

3. И вот, лишенный всего того, к чему меня приобщила и природа, и склонность, и привычка, я в тягость как прочим, так, мне, кажется, и себе самому. Ведь будучи рожден для непрерывной деятельности, достойной мужа, я теперь лишен всяческой возможности не только действовать, но даже думать. И я, который ранее мог оказать помощь или никому не известным людям, или даже преступникам, теперь не могу даже искренно обещать что-либо Публию Нигидию, учнейшему и честнейшему из всех и некогда пользовавшемуся величайшим влиянием и, во всяком случае, своему лучшему другу. Итак, этот род писем отнят.

4. Остается утешать тебя и приводить соображения, чтобы попытаться отвлечь тебя от огорчений. Но этой способностью утешить себя самого или другого ты сам обладаешь в наибольшей степени, если ею кто-либо когда-либо обладал; потому этой области, которая основана на каких-то особенных соображениях и учениях, я не стану касаться; всецело оставляю ее тебе. Что достойно смелого и мудрого человека, чего от тебя требует высокое положение, чего требует величие духа, чего требует пройденная тобою жизнь, чего требуют науки, которыми ты славился с детства, — ты решишь сам. Я же, будучи в состоянии понять и высказать мнение, так как нахожусь в Риме и это меня заботит и привлекает мое внимание, подтверждаю тебе одно: в тяжком положении, в каком ты теперь,⁶ ты не будешь особенно долго; но в том, в каком и мы, ты будешь, пожалуй, всегда.

5. Во-первых, я вижу, что тот, кто могущественнее всех,⁷ склонен согласиться на твое восстановление. Не пишу этого необдуманно: чем менее я близок ему, тем с большим любопытством изучаю его. Чем ему легче дать неблагоприятный ответ тем, на кого он разгневан,⁸ тем он до сего времени медлительнее в избавлении тебя от тяготы. Но его близкие, и притом те, кто ему приятнее всех, высказывают о тебе удивительные мнения. К этому нужно прибавить расположение народа или, лучше, всеобщее согласие. А то, которое теперь, правда, менее всего могущественно, — я говорю о государстве, — вскоре, верь мне, всеми своими силами будет просить за тебя тех, кто над ним властвует.

6. Итак, возвращаюсь к тому, чтобы даже обещать тебе кое-что, от чего я первоначально отказался. Я и сойду с его самыми близкими, которые меня очень почитают и со мной проводят много времени, и проникну в его круг, чего до сего времени не допускала моя совестливость, и, конечно, пойду всеми путями, какими сочту возможным достигнуть того, чего мы желаем. Во всех этих отношениях я сделаю больше, нежели решаюсь написать. Прочее, что многие, как я наверное знаю, раздобыли для тебя, я приготовил полностью. В моем имуществе нет ничего, что я предпочел бы видеть своим, а не твоим. Об этом и обо всей этой стороне дела пишу тем более скупой, что предпочитаю, чтобы ты надеялся воспользоваться своим имуществом, в чем сам я уверен.

7. Заканчивая, молю и заклинаю тебя проявить величайшую твердость духа и помнить не только то, что ты получил от других великих мужей, но также то, до чего ты дошел умом и изучением. Если ты соберешь всё это, ты будешь и питать наилучшие надежды на всё и мудро переносить то, что случится, каким бы оно ни было. Но ты знаешь это лучше, даже — лучше всех. Я же самым ревностным и самым внимательным образом буду заботиться обо всем, что мне покажется важным для тебя, и сохраню память об услугах, оказанных тобой мне в самое печальное для меня время.⁹